

Жанна Иосифовна Овсепян

Основополагающие принципы Конституции демократического государства как система норм *Jus cogens*. (К вопросу о взаимодействии международного права и конституционного права во внутригосударственном пространстве России)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

конституция, глобализация, государственный суверенитет, источники (формы) права в России, методы (способы) исполнения решений ЕСПЧ

Постановка проблемы

Характерной чертой глобализирующегося мира в странах, стремящихся к углублению интеграции в мировое сообщество, является активное взаимодействие международной и национальной правовых систем во внутригосударственном правовом регулировании. Известный российский ученый-автор учебников по международному праву профессор И.И. Лукашук справедливо подчеркивает, что: «Взаимозависимость и единство мира требуют, чтобы национальные политико-правовые системы строились как части единой глобальной системы, чтобы они были способны взаимодействовать друг с другом и с системой международных отношений в целом. От взаимодействия с внешней средой в растущей мере зависит решение внутренних задач»¹. Расширение присутствия международного права в правовых системах современных государств, возникающие в этой связи проблемы возможных коллизий их с внутригосударственными источниками, в том числе в связи с коллизионными судебными решениями, повышают ответственность и суверенных государств – участников международных договоренностей, и международное сообщество (межгосударственные организации) в решении проблем

¹ И.И. Лукашук, *Международное право. Общая часть*, Москва 1997, с. 219.

«согласования международного и внутригосударственного права, обеспечения реализации международным внутригосударственным права и, наоборот, вопросы иерархической силы положений, закрепленных в источниках международного права, ставших частью национально-правовой системы, по отношению к правилам, предусматриваемым в источниках национального права и т.д.»².

Указанные аргументы свидетельствуют об актуальности научных исследований по тематике предлагаемой статьи.

Последние исследования и публикации. Нерешенные ранее части общей проблемы и цели настоящей статьи

Вопросы взаимодействия международного права и правовой системы России, правового статуса источников международного права на территории России в науке более исследованы с позиций методологии международного права, в частности, в России – такими известными российскими учеными-специалистами по международному праву, как: И.И. Лукашук, С.Ю. Марочкин, С.В., С. П. Патракеев, А. Н. Талалаев, В.А. Толстик, С.В. Черниченко, др. В контексте методологии конституционного права концептуальные исследования соответствующей тематики в большом объеме связаны с трудами о практике деятельности Конституционного суда РФ по обеспечению исполнения решений ЕСПЧ и имплементации международного права в правовую систему России в период отсутствия острых коллизий решений международного и национального судов. Исследования, посвященные выявлению возможностей взаимодействия международного и российского права, их конвергенции как правовых систем, осуществляемые в преломлении через отраслевые правовые признаки конституционного права как ключевой отрасли национального права: на основе обнаружения совпадающих критериев: общих сфер правового регулирования, предмета правового воздействия, совпадений в кругу субъектов правоотношений, совпадающих источников права, совпадающих институтов соответствующих правовых систем, др. – являются единичными: в российской науке можно назвать, например, – исследование И.А. Конюховой. Кроме того, цели настоящей статьи связаны и с – обращением к сравнительно малоисследованным в контексте конституционно-правовой методологии аспектам обозначенной

² Б.Л. Зимненко, *Международное право и правовая система Российской Федерации*, Москва 2006, с. 17.

темы, к вопросам о преодолении коллизий международного и национального права, возникающих как одно из следствий процессов глобализации, о развитии философских концепций суверенитета государства и права, о концепции конституции как источника права в период глобализации.

Изложение основного материала. Выводы

Конституция как «проводник» международно-правовых норм и принципов во внутригосударственную правовую систему; закон, имеющий наиболее важное значение для государства

В тематике вопросов о соотношении источников внутригосударственного и международного права особое значение имеют вопросы соотношения источников международного права и конституции государства. Как известно, конституция в любом государстве это закон особого рода, который во многих странах, в самом его тексте, в полном объеме, либо (в отдельных странах) – в части норм об основных правах и свободах – характеризуется как нормативный акт самой высокой юридической силы в правовой системе национального государства. Международное право изначально «получает доступ», либо «преломляется» во внутригосударственную правовую систему и внутригосударственное территориальное пространство и сохраняет свое присутствие в нем при «покровительстве» норм конституционного права. На наш взгляд, только в таком контексте возможно непосредственное действие международно-правовой нормы на территории государства: как и любая правовая норма международно-правовая норма нуждается в публично-властном ее обеспечении. Таким учреждением публичной власти выступает государство, национальная идентичность и связанный с этим государственный суверенитет которого должна уважаться международным сообществом – в интересах обеспечения действия демократических международно-правовых норм на территории этого государства. Такой приоритет конституционного права в сравнении с другими отраслями внутригосударственного права в последовательности взаимодействия двух правовых систем объясняется тем, что международное право по предмету регулирования совпадает с внутригосударственным правом прежде всего в части таких двух основополагающих сфер правового регулирования, как: суверенитет государства (народа), право наций (народов) на самоопределение и основные права и свободы человека (гражданина) – которые одновременно составляют предмет регулирования и нормами конституционного права.

Конституция есть высшая юридическая форма воплощения суверенитета государственно организованного народа. Только после конституционного

утверждения суверенной воли государства о признании норм международного права частью правовой системы страны становится возможным правотворчество и правоприменение с использованием норм международного права в системах иных отраслей законотворчества и правоприменения во внутригосударственном правовом пространстве. Указанное выше свидетельствует о необходимости сохранения, в том числе в условиях глобализации, особенно высокого авторитета Конституции государства. Это и юридическое требование универсальных правовых норм. Так, в Уставе ООН сказано, что эта организация «основана на принципе суверенного равенства всех ее членов» (п. 1 ст. 2); что данный Устав «ни в коей мере не дает Организации Объединенных наций права на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, и не требует от Членов Организации Объединенных Наций представлять такие дела на разрешение в порядке настоящего Устава» (п. 7 ст. 2). В Уставе ООН неоднократно подчеркивается уважение к национальным Конституциям государств: вступление в силу Устава ООН, любое изменение Устава ООН, связано с ратификацией и подписанием упомянутых договоров государствами-членами ООН «в соответствии с их конституционной процедурой» (ст. 108, п. 2 ст. 109, п. 1 ст. 110 Устава ООН). В Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года) трижды в преамбуле упоминаются принцип суверенитета государств и их суверенного равенства: подтверждается «в соответствии с Уставом ООН основополагающее значение суверенного равенства»; подчеркивается, что «цели ООН могут быть достигнуты лишь в том случае, если государства пользуются суверенным равенством и полностью соблюдают в своих международных отношениях требования этого принципа». В Декларации дается и определение понятия суверенного равенства: «В частности, понятие «суверенное равенство» включает следующие элементы: а) государства юридически равны; б) каждое государство пользуется правами, присущими полному суверенитету; в) каждое государство обязано уважать правосубъектность других государств; г) территориальная целостность и политическая независимость государства неприкосновенны; д) каждое государство имеет право свободно выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы; е) каждое государство обязано выполнять полностью и добросовестно свои международные обязательства и жить в мире с другими государствами». В тоже время в Декларации формулируется принцип равноправия и самоопределения народов. В Заключительном Акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки,

01.–8.1975) в числе провозглашенных в Декларации десяти принципов, которыми государства участники должны руководствоваться в своих взаимоотношениях, указан и принцип суверенного равенства, уважения прав, присущих суверенитету.

В то же время во многих международных актах сформулирован также принцип равноправия и самоопределения народов, иные права народного (национального) суверенитета: Уставе ООН, Всеобщей Декларации прав и свобод человека (1948 г.), Декларации о деколонизации (1960 г.), Резолюции 1803(XVII) Генеральной Ассамблеи ООН «Неотъемлемый суверенитет над естественными ресурсами» (1962 г.), Декларации о праве народов на мир (1984 г.), Декларации о праве на развитие (1986 г.), Декларации Генеральной Ассамблеи ООН «О принципах международного права» (1970 г.), др.

С позиций вышеизложенного, основополагающие нормы и принципы национальных конституций, составляющие статью, определенные в текстах самих конституций в качестве «пределов пересмотра конституции», по нашему мнению, с позиций международно-правового восприятия могут быть определены в качестве норм *Jus cogens*, в понимании содержания этой формулы в контексте ст. 46 Венской конвенции о праве международных договоров от 1969 года.

Соотношение источников международного права и Конституции – основного закона РФ в правовой системе России

Новые признаки Российской Конституции в период глобализации заключаются в том, что в процессе конституционного развития, достигнут конституционный (в Конституции РФ 1993 года) уровень регулирования статуса международного права как части правовой системы России. В советский период отечественной истории, в бытность СССР и РСФСР (70-е гг. XX века), международное право было признано, однако только в части, касающейся регулирования межгосударственных отношений. Так, в ст. 29 Конституции СССР (от 7 октября 1977 года) и, аналогично, в ст. 28 Конституции РСФСР (от 12 апреля 1978 года, в связи с ее изменениями и дополнениями в 1989–1992 гг.) были сформулированы 10 принципов международных отношений, провозглашенных в Заключительном акте Совещания в Хельсинки 1975 года (ст. 29 гл. 4 «Внешняя политика» Конституции 1977 года). В Конституции России переходного периода этот перечень был еще более расширен (ст. 28 главы 4 «Внешнесполитическая деятельность и защита социалистического Отечества» Конституции Российской Федерации-России,

1978 года, в редакции 1989–1992 гг.). Однако, источники (формы) международного права в период СССР и РСФСР не признавались непосредственными регуляторами внутригосударственных отношений. В советской отечественной истории в российской науке и официальной практике признавалась дуалистическая концепция соотношения международного и отечественного права в ортодоксальной ее интерпретации. В связи с господствовавшей политической идеологией «закрытого общества» многие исследователи отрицали какую-либо возможность включения норм международного права в правовую систему Российской Федерации.

Широким воплощением новой концепции соотношения международного и национального права во внутригосударственном правовом пространстве стала Конституция РФ 12 декабря 1993 года. В преамбуле Конституции РФ сказано об осознании многонациональным народом Российской Федерации себя частью мирового сообщества, уважении к общепризнанным принципам равноправия и самоопределения народов, о вере в добро и справедливость, утверждении прав и свобод человека. В Конституции 1993 года впервые в отечественной истории закреплено, что: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы» (п. 4 ст. 15). А из ст. 46 (п. 3) Конституции РФ следует, что в России признается юрисдикция и, следовательно, обязательная юридическая сила решений международных судов по жалобам человека (гражданина) против Российской Федерации: «Каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты». Прямые упоминания, либо отсылки на общепризнанные принципы и (или) общепризнанные нормы международного права и (или) международные договоры, помимо преамбулы, п. 4 ст. 15 и п. 3 ст. 46, содержатся также в ст.: 17 (п. 1), 55 (п. 1), 62 (пп. 1–3), 63 (пп. 1–2), 67 (п. 2), 69, 71 (п. «к»), 72 (п. 1 «о»), 79, 85 (п. 2), 86 (п. «б»), 106 (п. «г»), 125 (п. 2 «в»)
Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 года.

Конституция России, таким образом, с начала 90-х гг. XX века приобретает качество базового юридического документа, обеспечивающего введение норм международного права во внутригосударственную правовую систему, на основе которого обеспечено признание регулятивной и охранительной функции источников международного права во внутригосударственном правовом пространстве России. Еще одно свойство Российской Конституции в период глобализации (с принятием Конституции 1993 года) связано с все большим утверждением ее (начиная с 2010–2014 гг.), в части основополагающих принципов и норм, составляющих пределы пересмотра российской Кон-

ституции (главы 1, 2, 9), в статусе Основного закона, идентичного системе норм «*jus cogens*», т.е. норм, обладающих приоритетом по отношению к нормам международного права в случае коллизии (конфликта) международных и национальных правовых норм, возникшей, в частности, в результате толкования международно-правовой нормы международным судом.

Так, в постановлении Конституционного Суда РФ от 14 июля 2014 года³. сказано: «как следует из Конституции Российской Федерации, ее статей 4 (часть 1), 15 (часть 1) и 79, закрепляющих суверенитет России, верховенство и высшую юридическую силу Конституции Российской Федерации и недопустимость имплементации в правовую систему государства международных договоров, участие в которых может повлечь ограничения прав и свобод человека и гражданина или допустить какие-либо посягательства на основы конституционного строя Российской Федерации и тем самым нарушить конституционные предписания, ни Конвенция о защите прав человека и основных свобод как международный договор Российской Федерации, ни основанные на ней правовые позиции Европейского Суда по правам человека, содержащие оценки национального законодательства либо касающиеся необходимости изменения его положений, не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции Российской Федерации и потому подлежат реализации в рамках этой системы только при условии признания высшей юридической силы именно Конституции Российской Федерации». В Постановлении указывается также, что: «постановление Европейского Суда по правам человека не может считаться обязательным для исполнения, если в результате толкования конкретного положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, на котором основано данное постановление, осуществленного в нарушение общего правила толкования договоров, смысл этого положения разойдется с императивными нормами общего международного права (*jus cogens*), к числу которых, безусловно, относятся принцип суверенного равенства и уважения прав, присущих суверенитету, а также принцип невмешательства во внутренние дела государств.

³ Постановление КС от 14 июля 2015 года N 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы», <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/637325>.

Кроме того, ссылаясь на п. 1 статьи 46 Венской конвенции, Конституционный Суд разъяснил, что: «государство вправе блокировать действие в отношении него отдельных положений международного договора, ссылаясь на то обстоятельство, что согласие на обязательность для него данного договора было выражено им в нарушение того или иного положения его внутреннего права, касающегося компетенции заключать договоры, если данное нарушение было явным и касалось нормы внутреннего права особо важного значения». Согласно Постановлению КС: в Российской Федерации к числу норм *jus cogens* «в первую очередь относятся положения глав 1 и 2 Конституции Российской Федерации, изменение которых не допускается посредством конституционных поправок, а может быть осуществлено, как установлено ее статьей 135, исключительно посредством принятия новой Конституции Российской Федерации».

Соотношение федеральных законов России и международных договоров в процессе имплементации международных договоров в правовую систему России

Как указывалось, в Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 года установлен приоритет применения международных договоров в сравнении с федеральными законами. Этой норме корреспондирует и установление ст. 106 Конституции РФ, где сказано, что федеральные законы о ратификации и денонсации международных договоров подлежат обязательному рассмотрению в обеих палатах Российского Парламента: не только в Государственной Думе, но и в Совете Федерации Федерального Собрания РФ – что объясняет приоритет применения международных договоров как показатель их особой юридической силы, проистекающий из ратификационной законодательной форме введения их в действие на территории РФ. В отличие от конституционных (в РФ) основ статуса международных договоров, в отношении другого источника международного права – общепризнанных принципов и норм международного права – конституционное регулирование менее объемно; их юридическая сила в Конституции РФ и ином праве РФ не устанавливается. Но из совокупного анализа ст. 17 и 18 Конституции РФ 1993 года следует, что общепризнанные принципы и нормы международного права, касающиеся прав и свобод человека и гражданина, являются непосредственно действующим правом в Российской Федерации». Этот вывод «вытекает» из сопоставительного анализа п. 1. ст.ст. 17 и 18 Конституции РФ 12 декабря 1993 года. То же самое касается международных договоров, где закреплены соответствующие общепризнанные принципы и нормы международного права.

Нормы Конституции РФ 1993 года о приоритете применения международного договора в Российской Федерации (п. 4 ст. 15) следует оценивать в увязке с п. 2 ст. 125 Конституции РФ 1993 года, где записано, что не вступившие в силу международные договоры могут проверяться на предмет их соответствия Конституции РФ в Конституционном Суде РФ по запросам компетентных органов и должностных лиц: указанное положение Конституции обеспечивает презумпцию конституционности международного договора РФ. Соответствующее положение п. 4 ст. 15 Конституции РФ 1993 года воспроизведено и в п. 2 ст. 5 ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (от 15 июня 1995 года, с изменениями и дополнениями). В связи с анализом конституционного (Конституция РФ 1993 года) принципа приоритета применения международных договоров в РФ в сравнении с федеральным законом, многие российские специалисты обращают внимание, что в названной формуле Конституции РФ закреплена не более высокая юридическая сила международного договора в сравнении с законом государства, а приоритет их действия. Так, в юридической литературе, посвященной комментарию ст. 15 Конституции РФ, отмечается, что необходимо различать понятия «более высокая юридическая сила» и «приоритет применения». Указывается, что: «Международный договор, устанавливающий иные правила, не отменяет действия российского закона, его преимущественная сила может проявляться только на стадии правоприменения»⁴. Специалисты обращают, также, внимание на необходимость разграничивать понятия «действие» и «применение» международного договора, что актуально для юридической практики. Так, Б.С. Эбзеев пишет, что: «Прямое действие договора еще не означает возможности его непосредственного применения. В частности, согласно ч. 3 ст. 5 Закона о международных договорах РФ положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие знания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно. Для осуществления иных положений международных договоров РФ принимаются соответствующие правовые акты»⁵.

По-нашему мнению, соответствующая формулировка: «приоритет применения», а не «более высокая юридическая сила» – представляется более приемлемой с позиции требований принципа государственного суверенитета, и, одновременно, уважения требований Венской Конвенции о праве международных договоров.

⁴ В.И. Андрианов, *Комментарий к ст. 15 Конституции РФ 1993 года*, [в:] Л.В. Лазарев (ред.), *Комментарий к Конституции*, Москва 2009, с. 118.

⁵ Б.С. Эбзеев, *Комментарий к ст. 15 Конституции*, [в:] Л.В. Лазарев (ред.), *Комментарий к Конституции*, Москва 2009, с. 171.

Сказанное находит подтверждение в практике Конституционного Суда, который использует нормы международного права при аргументации своих постановлений, в том числе и для выяснения смысла законодательства (например, в Постановлении от 21 января 2001 года говорится: «Данное положение – в его конституционно-правовом смысле, выясненном в настоящем Постановлении и во взаимосвязи со статьями 6 и 41 Конвенции по защите прав человека и основных свобод...»). Однако, Суд не может устанавливать в резолютивной части соответствие закона нормам международного права и тем самым лишать закон юридической силы. Одновременно Конституционный Суд указывает, что суд общей юрисдикции в конкретном деле должен применять нормы международного права, а не противоречащий ей закон»⁶.

Сложность практического правоприменения конституционного правила в том, что и международный договор РФ, и закон в РФ (каждый из этих источников права) неоднородны по их видовому разнообразию и юридической силе в пределах каждого из видов. Из этого следует, что международные договоры должны быть дифференцированы между различными уровнями иерархической системы законов, иных форм (источников) государственного права. Так, правовой системе России согласно Конституции 1993 года известны такие виды законов, как: федеральные конституционные законы и федеральные законы, конституционные законы и просто законы субъектов РФ. Поскольку международный договор сопоставляется с федеральным уровнем компетенции, то, очевидно, что в п. 4 ст. 15 Конституции РФ подразумевается в первую очередь приоритет применения международного договора по отношению к законам не только федерального уровня, но, как следствие – и к законам субъектов РФ.

Что касается соотношения международных договоров с федеральными конституционными законами, то обзор высказываемых в российской юриспруденции точек зрения «о соотношении международных договоров (согласие на обязательность которых было принято в форме ратификационного федерального закона) и федеральных конституционных законов (ФКЗ)» дан, в частности, в статье С. Патракеева. По данным его исследования: «Единого мнения на этот счет пока не существует. Так, Б.Л. Зимненко считает, что ФКЗ и международный договор имеют равный статус. И.И. Лукашук предлагает отдавать приоритет ФКЗ, мотивируя это тем, что

⁶ См.: И.И. Лукашук, *Конституция России и международное право*, [в:] «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры в практике конституционного правосудия», Москва 2002, с. 44; Б.С. Эбзеев, *Комментарий к ст. 15 Конституции...*, с. 67.

ратифицируется международный договор обычным федеральным законом»⁷. По мнению С. Патракеева и Н.В. Витрука: «Международные договоры Российской Федерации обладают приоритетом перед всеми видами законов Российской Федерации, но уступают по юридической силе самой Конституции»⁸.

В Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 10 октября 2003 года. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», на основе норм ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (1995 года) различаются три категории международных договоров соответственно виду внутригосударственного источника (формы) их включения в правовую систему РФ. В законодательстве РФ сказано: «Международные договоры Российской Федерации могут заключаться от имени Российской Федерации (межгосударственные договоры), от имени Правительства Российской Федерации (межправительственные договоры) и от имени федеральных органов исполнительной власти (межведомственные договоры)» (п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда).

В указанном ряду международных договоров с участием Российской Федерации на самом высоком уровне по юридической силе стоят договоры, ратифицированные федеральным законом. Иные международные договоры соответствуют по их расположению в системе внутригосударственных нормативных правовых актов уровню того подзаконного нормативного акта РФ, которым имплементированы в правовую систему России и имеют приоритет применения по отношению к одноуровневым им подзаконным актам. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 года «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» даются следующие разъяснения о порядке судебного применения норм международных договоров, различающиеся по юридическим источникам (формам) их имплементации в правовую систему Российской Федерации, что дает представления об официальных позициях относительно уровня юридической силы международных договоров в правовой системе РФ, дифференцированные относительно конкретных «ратификационных» нормативных актов РФ. Согласно Постановлению Пленума: «Правила действующего международного договора Российской

⁷ С. Патракеев, *Международные договоры о защите прав и свобод человека и гражданина в системе российского права*, „Сравнительное конституционное обозрение” 2005, № 2 (51), с. 64.

⁸ Там же, с. 65, 68.

Федерации, согласие на обязательность которого было принято в форме федерального закона, имеют приоритет в применении в отношении законов Российской Федерации. Правила действующего международного договора Российской Федерации, согласие на обязательность которого было принято не в форме федерального закона, имеют приоритет в применении в отношении подзаконных нормативных актов, изданных органом государственной власти, заключившим данный договор (часть 4 статьи 15, статьи 90, 113 Конституции Российской Федерации)» (п. 8 Постановления Пленума).

Кроме того, в законодательстве и практике РФ установлены особенности действия и применения наиболее высоких по юридическому статусу международных договоров с участием Российской Федерации – тех, что ратифицируются федеральным законом – они поставлены в зависимость от их привязки к той или иной отрасли законодательства. Так, согласно уже упомянутому Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации (от 10 октября 2003 года), если ратифицированные международные договоры устанавливают иные правила чем федеральные законы, то нормы международных договоров имеют приоритет действия и должны применяться судами РФ непосредственно, в случаях, когда эти международные договоры регулируют отношения и ответственность, составляющие предметы таких отраслей законодательства, как: гражданское право, гражданский процесс, уголовный процесс, законодательство об административных правонарушениях.

Что же касается соотношения международных договоров и законодательства РФ, предусматривающих признаки составов уголовно-наказуемых деяний, то согласно Постановлению КС РФ от 29 июня 2004 года № 13 – П: если «в ходе производства по уголовному делу будет установлено несоответствие между федеральным конституционным законом (либо международным договором Российской Федерации) и Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, применению – согласно статьям 15 (часть 4) и 76 (часть 3) Конституции Российской Федерации – подлежит именно федеральный конституционный закон или международный договор Российской Федерации как обладающие большей юридической силой по отношению к обыкновенному федеральному закону».

Дифференциация юридической силы международных договоров в зависимости от способа их имплементации в правовую систему РФ, способа включения в правовую систему России весьма актуальна. На Всероссийском совещании, посвященном практике конституционного правосудия, еще в 2002 году обращалось внимание, что конституционные принципы общего характера о приоритете договоров над законами следует дополнить

образом раскрыть в кодексах и законах, многие из которых не учитывают: «что не все договоры могут иметь приоритет и не над всеми законами... Не может договор, заключенный органом, акты которого ниже по юридической силе, чем закон, быть выше закона»⁹.

Соотношение внутригосударственного (российского) права и источников международного права в контексте коллизионных решений Европейского Суда по правам человека по делам против Российского государства 20-х годов XXI века

В Конституции РФ признается юрисдикция международных судов, из этого следует обязательность для России исполнения решений международных судов по жалобам человека (гражданина) против РФ (п.3 ст.46 Конституции). Вместе с тем, в 2010–2015 гг. имели место ряд случаев коллизий правовых позиций Конституционного Суда России, связанных с толкованием Конституции РФ и правовых позиций Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ), сформулированных на основе толкования Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, которые в России были оценены как нарушающие положения Конституции Российского государства – ее основного закона и, соответственно, поставили Российскую практику перед проблемой обсуждения вопросов о способах (методах) исполнения Россией как членом Совета Европы подобного рода решений ЕСПЧ.

Наиболее очевидные расхождения решений ЕСПЧ с положениями Конституции Российской Федерации возникли в связи с принятием Европейским Судом в 2010–2013 гг. постановлений по трем резонансным делам, в которых ответчиком выступала Россия: в связи с Постановлением Европейского Суда по правам человека от 7 октября 2010 года по делу «Константин Маркин против России»; Постановлением ЕСПЧ от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» и Постановлением ЕСПЧ от 20 сентября 2011 года по «Делу «ОАО «Нефтяная компания Юкос» против Российской Федерации. О коллизиях с Конституцией РФ и коллизиях внутригосударственного и международного судебных толкований в связи с указанными выше тремя постановлениями Европейского суда сказано в постановлении

⁹ С.Ю. Марочкин *К. 10-летию Конституции Российской Федерации: проблемы реализации принципа о нормах международного права как составной части правовой системы России*, [в:] «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договора в практике конституционного правосудия», Москва 2002, с. 51.

Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 года как примерах наиболее очевидного расхождения решений ЕСПЧ с положениями Конституции Российской Федерации.

В РФ относительно последнего из названных трех постановлений ЕСПЧ многими политиками высказывается мнение о его политической мотивированности. Как известно, после того, как 18 марта 2014 года, по итогам референдума¹⁰ в Крыму, Крымский полуостров был присоединен к России¹¹, возникли разногласия между США, Европейским Союзом и НАТО, с одной стороны, и Россией – с другой; были объявлены экономические и политические санкции против России. В число субъектов международных отношений, завивших о международных санкциях против России, включился и Совет Европы, Парламентская Ассамблея которого приняла решение о санкциях в отношении делегации России, лишении ее права голоса и на участие в руководящих органах ПАСЕ. Ответные меры были предприняты и Россией. На этот период приходится принятие постановления ЕСПЧ по делу «ЮКОС-против России» (Постановление ЕСПЧ от 31 июля 2014 года) и ответного Постановления Конституционного Суда Российской Федерации (от 14 июля 2015 года)

В связи с санкциями против России и резонансными решениями ЕСПЧ, принятыми в 2010–2014 гг., в России высказываются различные суждения относительно сохранения приоритета применения международного права над федеральными законами. Так, сторонники одного подхода, как «глава Следственного Комитета А. Бастрыкин, считают, что из Конституции давно пора убрать 15 статью – ту, в которой прописан приоритет норм международного права над национальными. По словам Бастрыкина, это лишь укрепит «независимость РФ в правовой сфере, вернет ее к лучшим традициям

¹⁰ На референдуме в Крыму 16 марта 2014 года 96, 77% избирателей (из 82, 71% принявших участие в голосовании) поддержали образование Республики Крым с последующим присоединением к России на правах субъекта РФ.

¹¹ См.: В.В. Путин, *Обращение Президента РФ от 18 марта 2014 года к членам Совета Федерации и депутатам Государственной Думы по поводу Республики присоединения к России Крым и города Севастополь*; Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2014 года № 6-П по делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов. //Официальный интернет-портал правовой информации /<http://www.pravo.gov.ru>); ФКЗ от 21 марта 2014 года N 6-фкз «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя».

отечественного судопроизводства»¹². Другие возражают против того, чтобы Россия отгородилась от всего внешнего мира, установив свой «закон и справедливость», против возвращения к практике зависимых от политической власти советских судов¹³.

Согласно третьей позиции, необходимо сохранение конституционно установленного в РФ приоритета норм международного права над национальными, однако, Конституция РФ, как основной закон и юридический документ, воплощающий государственный суверенитет, должна сохранять абсолютный приоритет (верховенство) по отношению как к внутригосударственному, так и к международному праву. Ссылаясь на указанный аргумент, в 2015 году, группа депутатов Государственной Думы РФ обратилась с запросом в Конституционный Суд РФ о допустимости исполнения «вынесенного по жалобе против России постановления Европейского Суда по правам человека (по делу ЮКОСА), возлагающего на государство обязательства, реализация которых не согласуется с Конституцией Российской Федерации»¹⁴.

В соответствии с официальной позицией, высказанной Полномочным представителем Президента РФ в Конституционном Суде М.В. Кротовым, которая также основана на идее безусловного приоритета Конституции РФ в правовой системе России: «не отрицая наличия системной проблемы в определении границ компетенции Европейского Суда по правам человека, основ его взаимодействия с национальными конституционными судами», нельзя подвергать сомнению обязательность исполнения решений ЕСПЧ. Вместе с тем, им сделано заявление, которое, на наш взгляд, можно оценивать как признание всегда преюдициальности, но не всегда прецедентной природы (в части коллизионных) решений ЕСПЧ: по его мнению, исполнение решений ЕСПЧ следует считать обязательным, имея в виду, что «Решения Европейского Суда не носят абстрактный характер, они принимаются по конкретным делам, констатируют конкретные нарушения положений в отношении конкретных лиц». Те решения ЕСПЧ, которые указывают на «ущербность национального законодательства, безоговорочно не могут быть исполнены»¹⁵.

¹² *Да судимы будете. Готова ли Россия жить только по своим законам*, «Газета. Ру» 14.07.2015 г.

¹³ Там же.

¹⁴ См.: Постановление КС РФ от 14 июля 2015 года.

¹⁵ М.В. Кротов, *Выступление в КС 1 июля 2015 г по делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4*

В указанных выше анализируемых постановлениях Конституционного Суда РФ 2013–2015 гг. разработана концепция средств и методов исполнения такого рода резонансных решений ЕСПЧ, концепция порядка исполнения в РФ «резонансных» решений ЕСПЧ, входящих в противоречие с Конституцией РФ и правовыми позициями Конституционного Суда РФ, связанных с законотворчеством, в случаях коллизий (конфликтов) правовых позиций ЕСПЧ и КС РФ.

Суть правовых позиций Конституционного Суда РФ относительно российской практики исполнения решений ЕСПЧ в случаях коллизии толкований Конституции РФ Конституционным Судом РФ и толкований Европейской Конвенции 1950 года Европейским судом по правам человека в следующем.

Так, в постановлении от 6 декабря 2013 года N 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Президиума Ленинградского окружного военного суда» (об исполнении решений ЕСПЧ по делу «Маркин против России»), Конституционный Суд РФ дал разъяснения, указав, что: «В случае, если суд общей юрисдикции придет к выводу о невозможности исполнения постановления Европейского Суда по правам человека без признания не соответствующими Конституции Российской Федерации законоположений, относительно которых ранее Конституционный Суд Российской Федерации констатировал отсутствие нарушения ими конституционных прав заявителя в конкретном деле, он правомочен приостановить производство и обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности этих законоположений». Конституционный Суд отметил также, что недопустимо новое рассмотрение дела в КС РФ после ранее вынесенного отказного определения КС, осуществленного в порядке конкретного нормоконтроля на основе процедуры абстрактного нормоконтроля в том же контексте содержания обращения в КС, в том числе, с целью обеспечения исполнения международных судебных прецедентов, следующих из международных обязательств России. Однако, законодательство РФ «не препятствует оценке конституционности иных оспариваемых в запросе законоположений именно в контексте возможных коллизий между выводами Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека и тем самым – оценке влияния решений Конституционного Суда Российской

статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы.

Федерации на возможность пересмотра вступившего в законную силу судебного постановления по такому основанию, как установление Европейским Судом по правам человека нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в Европейский Суд по правам человека». «При этом,- как сказано в постановлении КС РФ, – если в ходе конституционного судопроизводства рассматриваемые законоположения будут признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации – имея в виду, что для суда общей юрисдикции в любом случае исключается отказ от пересмотра вступившего в законную силу судебного постановления как процессуальной стадии, обусловленной, в частности, вынесением постановления Европейского Суда по правам человека, – в рамках своей компетенции определяет возможные конституционные способы реализации постановления Европейского Суда по правам человека».

В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 года поддерживается позиция Европейского Суда, заявившего о дискреционных полномочиях государств-членов Совета Европы в отношении способов и методов исполнения постановлений Европейского Суда как соответствующих Европейской Конвенции: что конкретные средства, с помощью которых в рамках национальной правовой системы будет исполняться возлагаемое на государство-ответчика в соответствии со статьей 46 Конвенции о защите прав человека и основных свобод правовое обязательство, избираются, по общему правилу, самим государством-ответчиком при условии, что эти средства будут совместимы с выводами, содержащимися в соответствующем постановлении Европейского Суда по правам человека».

Полагаем, что проанализированные выше и иные правовые позиции КС мотивирует новые форматы деятельности КС как «проводника» имплементации решений ЕСПЧ в национальную правовую систему России. Возможно, речь идет об активизации его деятельности как субъекта права законодательной инициативы, других юридических форм, которые, очевидно, будут созданы законодателем Российской Федерации и практикой Конституционного Суда РФ. В завершение отметим также, что юрисдикция Европейского Суда по правам человека весьма полезна для России, для повышения качества правосудия в российских судах.

РЕЗЮМЕ

В статье предлагается оригинальная научно-теоретическая концепция характеристики основополагающих норм и принципов национальных конституций, составляющих «пределы пересмотра конституций» с позиций международно-правового восприятия – в качестве норм *Jus cogens*, в понимании содержания этой формулы в контексте ст. 46 Венской конвенции о праве международных договоров с 1969 года. Предпринято исследование соотношения внутригосударственного (российского) права и источников международного права в контексте коллизионных решений Европейского Суда по правам человека по делам против Российского государства 20-х годов XXI века.

Zhanna Iosifovna Ovsepyan

THE FUNDAMENTAL PRINCIPLES OF THE CONSTITUTION OF A DEMOCRATIC STATE AS A SYSTEM OF NORMS OF *JUS COGENS*. (TO THE QUESTION ABOUT THE INTERACTION OF INTERNATIONAL LAW AND CONSTITUTIONAL LAW IN THE DOMESTIC SPACE OF RUSSIA)

The article offers original research and theoretical characteristics of the concept of fundamental norms and principles of the national constitutions, forming the “scope of the review of the constitutions” from the standpoint of the international legal perception – as norms of *Jus cogens*, in the understanding of the content of this formula in the context of article 46 of the Vienna Convention on the law of treaties, 1969. A study of the ratio of domestic (Russian) law and the sources of international law in the context of conflict of laws decisions of the European Court of human rights in cases against the Russian state 20-ies of the XXIC.

KEY WORDS: *the Constitution, globalization, state sovereignty, sources (forms) of law in Russia, the methods (ways) of execution of ECtHR judgments*

Библиография

- В.И. Андрианов, *Комментарий к ст. 15 Конституции РФ 1993 года*, [в:] Л.В. Лазарев (ред.), *Комментарий к Конституции*, Москва 2009.
- Б.Л. Зимненко, *Международное право и правовая система Российской Федерации*, Москва 2006.
- И.И. Лукашук, *Конституция России и международное право*, [в:] «*Общепризнанные принципы и нормы международного права и международ-*

ные договоры в практике конституционного правосудия, Москва 2002.

И.И. Лукашук, *Международное право. Общая часть*, Москва 1997.

С.Ю. Марочкин К. *10-летию Конституции Российской Федерации: проблемы реализации принципа о нормах международного права как составной части правовой системы России*, [в:] «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры в практике конституционного правосудия», Москва 2002.

С. Патракеев, *Международные договоры о защите прав и свобод человека и гражданина в системе российского права*, „Сравнительное конституционное обозрение” 2005, № 2 (51).

Постановление КС от 14 июля 2015 года N 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы», <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/637325>.

Б.С. Эбзеев, *Комментарий к ст. 15 Конституции*, [в:] Л.В. Лазарев (ред.), *Комментарий к Конституции*, Москва 2009.